

*Рекомендовано к публикации  
Издательским Советом  
Русской Православной Церкви  
ИС Р18-816-3312*

**О-72**     **Основы православного воспитания:** по труду свт. Феофана Затворника «Путь ко спасению». / Сост. Фомина Е. О. — М.: Сибирская Благовонница, 2019. — 91, [5] с.

ISBN 978-5-00127-056-0

Святитель Феофан (в миру Георгий Васильевич Говоров), Затворник Вышенский (1815–1894) — епископ Русской Православной Церкви, богослов, проповедник. До настоящего времени его труды по истолкованию Священного Писания, духовные письма и проповеди просвещают и наставляют в благочестии читателей.

Эта книга, составленная на основе труда святителя «Путь ко спасению» (часть третья — «Начертания христианского нравоучения»), расскажет родителям об особенностях христианского воспитания детей.

**УДК 243**

**ББК 86.372-43**

© Издательство Сибирская  
Благовонница, оформление, 2009



## ВВЕДЕНИЕ\*

**З**асеменение и развитие жизни христианской существенно различно от засеменения и развития жизни естественной. Это зависит от особенного характера христианской жизни и отношения его к нашей природе. Человек не рождается христианином, а становится таковым после рождения. Семя Христово падает на землю сердца, уже бьющегося. Но как естественно рожденный человек поврежден и противоположен требованиям христианства, то... начало истинно христианской жизни в человеке есть некоторое воссотворение, дарование **НОВЫХ СИЛ, НОВОЙ ЖИЗНИ...**

---

\* Здесь и далее текст (с незначительными сокращениями) приводится по изданию: Свт. Феофан Затворник. Путь ко спасению. Письма о христианской жизни. Поучения. М.: Лепта Книга, 2008. С. 5–92.

Как в семени растительная жизнь пробуждается тогда, как к сокрытому в нем ростку проникает влага и теплота и, через них, всевосстанавливающая сила жизни — так и в нас жизнь Божественная пробуждается, когда проникает в сердце Дух Божий и полагает там начало жизни по духу, очищает и собирает воедино омраченные и разбитые черты образа Божия.

Где [же] обрести и как принять благодать, зачинающую жизнь? Стяжание благодати и освящение ею нашего естества совершается в таинствах. Здесь мы предлагаем действию Божию, или предносим Богу, свою непотребную природу — и Он действием Своим претворяет ее. Богу угодно было для поражения гордого ума нашего в самом начале истинной жизни сокрыть силу Свою под сению вещества простого. Как это бывает, не постигаем, но опыт всего христианства свидетельствует, что иначе не бывает.





**Благоразумное воспитание  
телесных потребностей  
и душевных чувств.  
Борьба с грехом**

**К**огда у дитяти начинают пробуждаться силы одна за другою, родителям и воспитателям должно усугубить внимание. Ибо когда под осенением показанных средств будет возрастать и усиливаться в них тяготение к Богу и увлекать вслед за собою силы, в то же самое время и живущий в них грех не дремлет, а усиливается завладеть теми же силами. Неизбежное следствие этого — брань внутренняя. Так как дети неспособны ее вести сами, то место их разумно заменяют родители. Но так как она должна быть ведена все же силами детей, то родители строго должны блюсти первые начатки их пробуждения, чтобы

с первой минуты дать им склонение, соответствующее с главной целью, к которой они должны быть направляемы.

Так начинается брань у родителей с грехом, живущим в дитяти. Хотя грех сей и лишен точки опоры, однако же действует и, чтобы остановиться на чем-нибудь прочном, старается завладеть силами тела и души. Должно не допускать до сего и как бы вырывать силы из рук греха и передавать Богу. Но чтобы действовать при этом не без основания, а с разумным ведением верности избранного способа, надобно хорошо себе уяснить, чего ищет оставшийся грех, чем питается, через что именно завладевает нами. Основные возбудители, влекущие ко греху, суть своеумие, или пытливость в уме, своеволие в воле, самоуслаждение в чувстве. Поэтому должно так вести и направлять развивающиеся силы души и тела, чтобы не отдать их в плен плотоугодию, пытливости, своеволию и самоуслаждению, ибо это будет плен греховный, — а, напротив, приучать отрешаться от них и преобладать над ними и таким образом сколько можно обессиливать

их и доводить до безвредности. Это главное начало. С ним должно потом сообразовать и все воспитание. Пересмотрим с этою целью главнейшие действия тела, души и духа.

Прежде всего пробуждаются и потом постоянно состоят в живой деятельности, до самой смерти, потребности тела. Тем необходимее поставить их в должные пределы и закрепить навыком, чтобы потом меньше было от них беспокойства. Здесь неточное для телесной жизни отправление есть питание. В нравственном отношении оно есть седалище страсти к греховному услаждению плоти, или поприще его развития и питания. Поэтому должно так питать дитя, чтобы, развивая жизнь тела, доставляя ему крепость и здоровье, не разжечь в душе плотоугодия. Не должно смотреть, что дитя мало, — надобно с первых лет начинать остепенять преклонную к грубому веществу плоть и приучать дитя к обладанию над нею, чтобы и в отрочестве, и в юношестве, и после них легко и свободно можно было управляться с этою потребностью. Первая закваска очень дорога.

От детского питания многое зависит в последующем. Незаметно можно развить сластолюбие и неумеренность в пище — два вида чревоугодия, эти губительные для тела и души склонности, прививающиеся к питанию.

Потому даже врачи и педагоги советуют, во-первых, избирать здоровую и годную пищу, судя по возрасту воспитываемого, ибо одна пища пригодна для младенца, другая — для дитяти, отрока и юноши; во-вторых, подчинить употребление ее известным правилам (опять приспособительно к возрасту), в коих бы определялось время, количество и способ питания, и, в-третьих, потом от установленного таким образом порядка без нужды не отступать. Этим приучится дитя не всегда требовать пищи, как захочется есть, а ждать определенного часа; здесь же — первые опыты упражнения в отказывании себе в своих желаниях. Где кормят дитя всякий раз, как оно заплачет, и потом всякий раз, как запросит есть, там до того расслабляют его, что после уже оно не иначе, как с болезнью может отказываться от пищи. Вместе с сим

оно привыкает к своенравию оттого, что успевает выпрашивать или выплакивать все желаемое. Той же мере должно подчинить и сон, и теплоту с холодом, и другие удобства, естественно необходимые в деле питания, имея неопустительно в виду — не разжечь страсти к чувственным наслаждениям и приучить отказывать себе. Это должно строго соблюдать во все время воспитания — изменяя, как само собою разумеется, правила в применениях, а не в существе — до тех пор, пока воспитываемый, утвердившись в них, [не] возьмет сам себя в руки.

Второе отправление тела есть движение; орган его — мускулы, в которых лежат сила и крепость тела, орудия труда. В отношении к душе оно — седалище воли и очень способно развивать своеволие. Мерное, благоразумное развитие этого отправления, сообщая телу возбужденность и живость, приучает к трудам и образует степенность. Напротив, развитие превратное, оставленное на произвол, в одних развивает непомерную резвость и рассеянность, в других — вялость, безжизненность,



леность. Первое укрепляет и обращает в закон своенравие и непокорность, в связи с коими находятся задорность, гневливость, неудержимость в желаниях. Последнее погружает в плоть и предаёт чувственным наслаждениям. Итак, должно иметь в виду, чтобы, укрепляя силы тела, не раздуть через то своеволия и ради плоти не погубить духа. Для этого главное — мерность, предписание, надзор. Пусть дитя резвится, но в то время, в том месте и тем родом, как ему приказано. Воля родителей должна запечатлевать всякий их шаг, разумеется, в общем. Без этого легко может покривиться нрав дитяти. Своевольно порезвившись, дитя всегда возвращается не с готовностью слушаться даже в каких-нибудь малостях. И это — с одного раза; что же сказать, где эта часть совсем в небрежении? Как трудно после истребить своенравие, коль скоро оно осядет в теле, как в крепости. Не гнется шея, не движется рука и нога, и глаз даже не хочет смотреть, как приказывают. Напротив, дитя выходит преподвижное на всякое приказание [там], где с самого начала не дают воли его движениям. Сверх

того, нельзя лучше привыкнуть владеть своим телом, как заставляя его напрягаться по указаниям.

Третье отправление телесное лежит на нервах. Из нервов — чувства, орудия наблюдений и пища пытливости. Но о сем после. Теперь же о другом общем назначении нервов как седалища чувствительности тела, или способности принимать приятные и неприятные для него внешние впечатления. В этом отношении должно поставить правилом приучить тело безболезненно переносить всякого рода влияния внешние: от воздуха, воды, перемен температуры, сырости, жара, холода, уязвлений, болей и прочего. Кто приобрел такой навык, тот счастливейший человек, способный на самые трудные дела, во всякое время и во всяком месте. Душа в таком человеке является полною владычицею тела, не отсрочивает, не изменяет, не оставляет дел, боясь неприятностей телесных; напротив, с некоторым желанием обращается к тому, чем может озлобляться тело. А это очень важно. Главное зло в отношении к телу — телолюбие и жаление тела.

Оно отнимает всякую власть у души над телом и делает первую работу последнего; напротив, не жалеющий тела не будет в своих предприятиях смущаться опасениями со стороны слепого животолюбия. Как счастлив приученный к сему с детства! Сюда относятся медицинские советы касательно купаний, времени и места гуляний, платья; главное — содержать тело не так, чтобы оно принимало одни только приятные впечатления, а, напротив, более содержать под впечатлениями обеспокаивающими. Теми разнеживается тело, а этими укрепляется; при тех дитя всего боится, а при этих на все готово и способно стоять в начале терпеливо.

Такого рода обращение с телом предписывается педагогикою. Здесь показывается только, как эти советы пригодны и к развитию христианской жизни именно тем, что ревностное их исполнение заграждает вход в душу непотребному зелью чувственных наслаждений, своеволия, телолюбия или саможаления, образует противоположные им расположения и вообще приучает владеть телом как

органом и не подчиняться ему. А это очень важно в жизни христианской, по самому существу своему отрешенной от чувственности и всякого угодия плоти. Итак, не должно оставлять на произвол развитие тела дитяти, а надо держать его под строгою дисциплиною с самого начала, чтобы потом передать его в руки самого воспитываемого уже приспособленным к жизни христианской, а не враждебным ей. Истинно любящие детей родители-христиане не должны жалеть ничего, ни даже своего родительского сердца, чтобы доставить сие благо детям. Ибо иначе все последующие дела их любви и попечения будут или малоплодны, или даже бесплодны. Тело — седалище страстей, и большей частью самых свирепых, каковы похоть и гнев. Оно же и орган, через который демоны проникают в душу или приселяются к ней. Само собою разумеется, что при этом не должно упускать из вида церковности, и из нее ничего такого, чем можно прикасаться к телу, ибо тем будет освящаться тело и усмиряться жадная животность.

Все здесь не пишется, и только указывается главный тон действия на тело. Подробности укажет дело, кому нужно. По этому очерчанию разумеется и то, как должно обходиться с телом и во все прочее время жизни, ибо дело у нас с ним одно.

Вместе с обнаружением телесных потребностей и в душе не замедляют выказываться низшие способности, в естественной их последовательности. Вот дитя начинает останавливать взор свой на том или другом предмете, и на одном больше, на другом меньше, как будто один ему нравится более, а другой менее. Это первые начатки употребления чувств, за коим тотчас следует пробуждение деятельности воображения и памяти. Способности эти стоят на переходе от телесной деятельности к душевной и действуют совместно, так что сделанное одною тотчас передается другой. Судя по важности, какую они имеют в настоящее время в нашей жизни, как хорошо и спасительно первые начатки их освятить предметами из области веры. Первые впечатления глубоко остаются памятными. Помнить надобно, что душа является в мир

голою силою; возрастает, богатеет во внутреннем содержании и разнообразится в деятельности она уже после. Первый материал, первую пищу для образования своего она получает извне, от чувств, чрез воображение. Очевидно само собою, какого характера должны быть первые предметы чувств и воображения, чтобы не только не препятствовать, а еще более способствовать образуемой христианской жизни. Ибо известно, что как первая пища имеет значительное влияние на темперамент тела, так и первые предметы, коими занимается душа, имеют сильное влияние на характер души или тон ее жизни.

Развивающиеся чувства доставляют материал воображению; воображенный предмет хранится в памяти и составляет, так сказать, содержание души. Пусть чувства получают первые впечатления от предметов священных: икона и свет лампы — для глаз, священные песни — для слуха и прочее. Дитя не понимает еще ничего из того, что у него перед глазами, но его глаз и слух привыкают к сим предметам, и они, предзанимая сердце, тем самым ставят вдали

другие предметы. За чувствами и первые упражнения воображения будут священны; ему легче будет воображать эти предметы, чем другие: таковы его первые сгибы. Затем, на будущее время, изящное, которое одною стороною существенно связано с формами чувств и воображения, будет привлекать его не иначе, как под священными формами.

Итак, пусть ограждают дитя священными предметами всех видов; всё же, могущее развратить в примерах, изображениях, вещах, — удаляют. Но потом и во все последующее время надо хранить тот же порядок. Известно, как сильно действуют на душу растленные образы, в каком бы виде они ни касались ее! Как несчастно дитя, которое, закрыв глаза или оставшись одно и углубившись в себя, бывает подавляемо множеством непотребных образов, суетных, соблазнительных, дышащих страстями. Это то же для души, что чад для головы.

Не должно также упускать из виду и образа деятельности этих сил. Дело чувств — видеть, слышать, осязать, вообще

испытывать, пытаться. Потому они суть первые возбудители пытливости, которая потом ради них переходит в воображение и память и, приобретши в них оседлость, становится несокрушимым тираном для души. Не употреблять чувств нельзя, ибо не иначе, как через них и познаются вещи, кои знать должно ради славы Божией и блага нашего. Но при этом неизбежна и пытливость, которая есть неудержимая склонность без цели видеть и слышать, что где делается и как что бывает. Как же при этом поступить? Испытывание необходимо есть уже пытливость. Пытливость состоит в том, где стараются все разузнать беспорядочно, бесцельно, не различая, нужно ли то или не нужно. Итак, следует только при упражнении чувств соблюдать меру и порядок и обращать их на одно нужное и по сознанию нужды — тогда для пытливости не будет пищи; то есть должно приучить дитя то испытывать, что считается для него необходимым, от всего же другого удерживаться и отстраняться. Потом в самом действии испытывания соблюдать постепенность — не перебегать с предмета



на предмет или от одной черты к другой, а, пересматривая одно за другим, о том заботиться, чтобы вообразить после предмет, как должно. Такой род занятий избавит дитя от настроения развлекаться даже среди позволенного, приучит владеть чувствами, а через них и воображением. И оно не будет перебегать от одного к другому без нужды, следовательно, мечтать и развлекаться образами и тем не давать покоя душе, мутя ее приливом и отливом своих беспутных видений. Не умеющий владеть чувствами и воображением бывает рассеян и непостоянен, будучи томим пытливостью, которая будет гонять его от одного предмета к другому до расслабления сил, и все это без плода.

Современно этим способностям возникают у дитяти страсти и начинают тревожить его с раннего времени. Дитя еще не говорит, не ходит, только что приучилось сидеть и брать игрушки, но уже сердчает, завидует, присваивает себе, особится и прочее, вообще являет действие страстей. Это зло, утверждающееся на животной жизни, тлетворно; потому должно

противодействовать ему с первых его проявлений. Как это сделать — определить трудно. Все дело зависит от благоразумия родителей. Можно, впрочем, постановить следующее: во-первых, предупреждать всячески их возникновение; во-вторых, потом, если проявилась какая страсть, надобно спешить погасить ее придуманными и испытанными средствами. Этим предотвратится укоренение их или предрасположение к ним. Страсть, чаще других обнаруживающуюся, врачевать должно с особым вниманием, потому что она может быть господствующей распорядительницей жизни. Благонадежнейший способ врачевания страстей — употребление благодатных средств. К ним с верою должно обращаться. Страсть — явление душевное, между тем, действовать на душу у родителей сначала нет способов... Потому прежде всего должно молить Господа, да совершит Свое дело. Дальнейшим в этом руководителем для ревностного отца, или матери, или няньки будет опыт. Когда дитя будет со смыслом, тогда могут быть употребляемы уже и общие против страстей средства.

Всячески на них должно вооружаться вначале и преследовать потом во все время воспитания, чтобы дитя умело и привыкло владеть ими, ибо их возмутительные набегги не прекратятся до конца жизни.

Если будет строго соблюдаем предписанный порядок действия на тело и низшие способности, то душа получит от этого прекрасное приготовление к истинно доброму настроению, однако же только приготовление — самое же настроение надобно созидать положительным действием на все его силы: ум, волю и сердце.



## Содержание

Введение . . . . .	3
Таинство Крещения . . . . .	5
Особенности крещения в младенческом возрасте . . . . .	10
В чем состоит христианское воспитание . . . . .	17
Благоразумное воспитание телесных потребностей и душевных чувств. Борьба с грехом. . . . .	24
Воспитание ума, воли и сердца . . . . .	40
Как обучать наукам. . . . .	50
Осознание себя христианином и решимость жить по-христиански . . . . .	54
Об опасностях юношеского возраста . . . . .	60
Несохранение благодати крещения – от неправильного воспитания . . . . .	79
Преимущества доброго воспитания и его плоды . . . . .	86